АКАДЕМИЯ НАУК СССР • ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 3/86

Журнал основан в 1974 г.

Выходит 4 раза в год

ИЮЛЬ — АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ

Издательство «Наука» Москва

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

МШВЕНИЕРАДЗЕ В. В. Новое политическое мышление 3
РУТКЕВИЧ М. Н. Социалистическая справедливость 13
ХАРЧЕВ А. Г. Исследования семьи: на пороге нового этапа 23
ШПИЛЬКО С. П. Взаимосвязь «большого спорта» с массовым физкультурным движением 33

К XI ВСЕМИРНОМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ КОНГРЕССУ

Социология в изменяющемся мире (обсуждение за «круглым столом» редакции «Социологических исследований») 43
ДАВЫДОВ Ю. Н. «Веберовский ренессанс» 56
КАПУСТИН Б. Г. Неомарксистская социология: поворот или кризис? 68
МАЛИНКИН А. Н. Уроки истории (политологическая концепция Макса Шелера и позднебуржуазный консерватизм) 78

СЛУЖБА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Об улучшении организации социологической работы в отраслях народного хозяйства. *Постановление Госкомтруда СССР, АН СССР и ВЦСПС* . . . 88
Типовое положение о службе социального развития предприятия, организации, министерства 91

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ГОРДОН Л. А., КОМАРОВСКИЙ В. В. Динамика социально-профессионального состава поколений 96
СБЫТОВ В. Ф. Штрихи к портрету советской научно-технической интеллигенции 110
ШЕРЕГИ Ф. Э. Структура читательских предпочтений 116

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ШУМАКОВ С. Л. Производственная тема в кинематографе 70—80-х годов . . 128

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ

САТАРОВ Г. А. Математика в социологии: стереотипы, предрассудки, заблуждения 137
ТАТАРОВА Г. Г. Структура многомерной случайной величины и проблема взаимосвязи признаков 142
ТОЛСТОВА Ю. Н. Обеспечение однородности исходных данных в процессе применения математических методов 149

ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ, ЗАМЕТКИ (с рабочего стола социолога)

БОБКОВ И. В. Социальные ориентиры градостроительных решений 155
ВЕРЕВКИН Л. П. Специалисты сельского хозяйства Туркмении 159
МКРТЧЯН Г. М., ЧИРИКОВА А. Е. Динамика профессиональных ориентаций молодых москвичей 162
ШИШОВА А. В. Соотношение фактической и оценочной информированности производственного персонала 168
НИКИТИНА А. М. Непрерывное образование молодых преподавателей технических вузов 171
ОРЛОВ А. С. Сезонные колебания численности и состава населения курортной зоны 173
СНИЦАРЕВА Т. М. Музыкальная жизнь сельского населения 177
НЕХОТИН В. В. Об одной мистификации на социологические темы 179

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ГАЛКИН А. А. Положение трудящихся в зоне развитого капитализма . . . 182
ВОЛКОВА Р. Ю., КУЗНЕЦОВА Т. В. Отношение американцев к разоружению и планам «звездных войн» 191

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

КРАВЧЕНКО А. И. Методы социального управления (опыт 20-х годов) . . 197
ГОЛОСЕНКО И. А. «Русское пьянство»: мифы и реальность 203
БОРИСОВ В. А. Еще одна дата возникновения теории демографической революции 209

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Кому нужен социолог? — Чем литераторов считать трудиться...— Социальный заказ исследователю 214

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОРЛОВА И. Б. Обсуждаются вопросы дальнейшего развития социалистического общества 219
МАТИСОН Б. И., ПОНОМАРЕВА С. Н., МУЗЫЧЕНКО Н. С. Формирование резерва управленческих кадров 221
МАСЛОВА О. Н., ЧЕТВЕРИКОВА Ю. Н. Постоянно действующий семинар по методике и технике социологических исследований 222
Хроника 224

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рецензируются новые книги Т. Ф. Сиверцевой, Э. А. Шауро, Я. С. Капелюша, В. В. Сазонова, Л. Н. Федотовой, Г. С. Батыгина, В. Вичева (НРБ) . . 225
Книжная полка социолога 236
Зарубежная панорама 42, 77, 87, 136, 167, 181
Содержание на английском языке 239

Технический редактор *Т. В. Скворцова*

Сдано в набор 30.05.86 Подписано к печати 29.07.86 Т-13827 Формат бумаги 70×108[1]/[16]
Высокая печать Усл. печ. л. 21,0 Усл. кр.-отт. 194,0 тыс. Уч.-изд. л. 25,7 Бум. л. 7,5
Тираж 9126 экз. Зак. 4887

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

тической работы и переориентация экономического мышления руководителей всегда обостряли интерес к человеческому фактору производства. В этом смысле возникновение социальной инженерии и основ социального управления в 20-е годы, их развитие в 60-е и дальнейшее совершенствование в 80-е годы было продиктовано исторической необходимостью, задачами перестройки и совершенствования социалистического производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гвишиани Д. М.* Организация и управление. М.: Наука, 1972.
2. О предпосылках рациональной организации.— Труды Всеукраинского института труда, 1928, вып. 2.
3. *Гастев А. К.* Как надо работать. М.: Экономика, 1972.
4. *Витке Н. А.* Организация управления и индустриальное развитие (Очерки по социологии научной организации труда и управления). М., 1924.
5. *Гастев А. К.* Трудовые установки. М.: Экономика, 1973.
6. История советской психологии труда. М.: Изд-во МГУ, 1983.



И. А. ГОЛОСЕНКО

«РУССКОЕ ПЬЯНСТВО»: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ



ГОЛОСЕНКО Игорь Анатольевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени института водного транспорта. Специалист по истории социологии. В нашем журнале опубликовал статьи «История социологии как научная проблема» (1976, № 1), «Процесс институционализации буржуазной социологии в России конца XIX — начала XX вв.» (1978, № 2), «Универсальное и национальное в немарксистской социологии» (1981, № 4), «Эмпирические исследования рабочего класса в русской немарксистской социологии начала XX в.» (1984, № 2).

Дореволюционные исследователи социальной сферы уделяли пристальное внимание многим острейшим проблемам царской России. Но, пожалуй, наиболее активно в теоретическом и эмпирическом плане разоблачалась проблема алкоголизации населения. Результаты исследований XIX — начала XX века развеяли немало предубеждений и злонамеренных домыслов как относительно природы пьянства вообще, так и «русского пьянства» в особенности. Отечественная наука довольно быстро от чисто медицинского изучения психических и физиологических воздействий спиртного на человека перешла к социологическому анализу явления, рассмотрению его в экономическом, политическом и культурном аспектах. В центре внимания русских исследователей оказывается главным образом соотношение питейных обычаев и поведения с классами, семьей, религией, с процессами индустриализации, урбанизации и мобильности населения, изучается массовое потребление алкоголя в исторической ретроспективе. Библиография этих материалов насчитывает сотни публикаций: в одной статье охватить их невозможно. Поэтому ограничимся следующими вопросами: как протекал исследовательский процесс в целом, как он был связан с антиалкогольной практикой тех лет и каковы его главные уроки?

Изучением пьянства русские исследователи занимались в течение почти всего XIX века, но наиболее активно после введения в начале 1895 г. «винной монополии», когда правительство взяло в свои руки всю розничную торговлю спиртными напитка-

ми. По ироническому замечанию В. И. Ленина, вместо обещанных благ и, прежде всего, уменьшения пьянства, произошло обратное: «открытие винных лавок вопреки воле населения, ходатайствующего о противном, усиление пьянства на улицах» [1]. Общественное мнение было встревожено, в печати появляются резкие протесты Л. Толстого, А. Кони, В. Бехтерева, М. Ковалевского и других. На заседаниях Государственной думы вспыхивают острые дебаты. В статье с характерным заголовком «Опасная государственность» публицист М. Меньшиков выразил общую озабоченность ситуацией: «мы идем к алкоголизации всего нашего народа — вот ужас, значение которого затушевывается только общим глубоким невежеством» [2].

В этих условиях необходимо было дать научную картину явления. Ученые понимали, что корень зла находится гораздо глубже той или иной организации продажи алкоголя. Потребление спиртного последние три столетия неуклонно увеличивалось и особенно интенсивно в XIX веке. Это определило исторический подход к проблеме.

Исследователи сразу же столкнулись с популярной легендой об особой предрасположенности русского человека к водке, однако углубленные экскурсы в историю убедили в ином. Долгое время на Руси преобладала «престижная» форма потребления алкоголя: пиры, стоившие дорого, были доступны только князьям и являлись не только развлечением, но и закреплением дипломатических контактов, торгово-хозяйственных договоров, данью уважения к соседу и т. п. Что касается массового потребления крепких напитков, то оно начинает складываться в конце XVI века, когда производство и продажа алкоголя всецело стали делом государства [1]. До этого они находились в ведении «вольной корчмы», функционирующей сезонно (осенью, после окончания сельскохозяйственных работ и зимой). Примечательно, что корчмарь избирался населением на строго определенный срок. Кроме того, общинное самоуправление осуществляло меры социального контроля: следило за качеством напитков (преобладали не очень крепкие), мерой (злоупотребление осуждалось, пресекалось и высмеивалось), субъектами потребления (подростки и женщины практически исключались), характером и стилем общения в застолье (корчма была разновидностью мужского клуба). Уничтожение этого института и создание системы государственных кабаков (в 1552 г. существовал только один, а в середине XIX века их было уже более полумиллиона) изменило ситуацию радикально: потребление алкоголя стало массовым и плохо контролируемым процессом [3]. В основе лежала алчность правительства, получавшего баснословные доходы от массовой продажи алкоголя. Сошлемся на данные XIX века: в 1819 г. питейный доход составил 11% поступлений в бюджет, в 1859 г.— 38%, а за двадцать лет (1865—1885) доходы по этой статье почти удвоились. Именно тогда стали говорить о «пьяном бюджете» [4].

Нельзя забывать и о политических соображениях царизма. Еще Екатерина II говаривала, что «пьяным народом легче управлять». Широко известны слова представителя русского консерватизма К. Леонтьева «школы вреднее кабаков» и мнение одного из последних министров просвещения: «водка — лучший оплот против занятия политикой» [5]. Словом, лучше кутежи, чем мятежи! Винную монополию в демократической печати вполне обоснованно расценивали как шаг в эпоху Ивана Грозного, учредившего в завоеванном Новгороде кабаки, «чтобы обессилить народ».

Пьянство имело и внешнеполитический аспект. Многие военные авантюры царизма фактически финансировались «пьяными деньгами». Без питейных доходов «не было бы варварского похода в Китай, ни позорного усмирения Персии, ни бесславной войны с Японией» [там же]. Показательно в этом отношении сетование журналиста П. Копьева: «в силу условий нашей жизни любая самая невинная антиалкогольная пропаганда отождествляется с пропагандой, грозящей потрясти государственные устои» [6].

В XIX веке началось промышленное производство дешевой картофельной водки. Это сделало алкоголь практически общедоступным. Началось формирование питейных обычаев и обрядов, установок и стереотипов. Исподволь создавалась атмосфера терпимости к захмелевшим людям (если только они не хулиганили!). Постепенно упот-

---

[1] В 1598 г. Борис Годунов категорически запретил частным лицам производить и продавать водку. В городах были открыты «царские кабаки», потом вновь наступило послабление, но с 1649 г. Алексей Михайлович окончательно обратил продажу алкоголя в исключительное право казны.

ребление спиртных напитков стало сопровождать все основные формы жизнедеятельности [7]. Выпивка превратилась в атрибут национального образа жизни.

Общеизвестны успехи русской статистики на рубеже веков. Многое было сделано и для выявления особенностей алкогольной ситуации. Однако исследователи установили не только подлинную картину пьянства и его печальных последствий, но и обнаружили обстоятельства, которые вызвали недоумение. Например, эмпирические данные свидетельствовали о массовом тяготении к алкоголю людей с самыми низкими доходами. Вместе с тем увеличение материального достатка сопровождалось ростом расходов на алкоголь. Не сходились концы с концами при изучении влияния культуры (образования) на алкогольную ситуацию. С одной стороны, низкая культура, умственная неразвитость в условиях отупляющего труда исключали полноценный досуг, усиливали тягу к алкоголю, в нем виделась возможность расслабиться, отвлечься от тягот повседневной жизни. С другой стороны, статистика показывала, что в крупных городах — центрах культуры и образованности — пили больше, чем в менее урбанизированных местах. Исследователи обратили внимание на непонятные спады и подъемы в потреблении алкоголя по годам, пяти- и десятилетиям, по сезонам (максимум осенью и зимой). Для уточнения государственной статистики (производство, продажа алкоголя, доходы казны, данные вытрезвителей [2]) были проведены более дифференцированные эмпирические исследования, изучено потребление в разрезе по климатическим, географическим зонам, промышленным и сельским районам. Были исследованы также семейные бюджеты различных слоев населения. На этом основании была выдвинута популярная одно время гипотеза: поскольку Россия является главным образом земледельческой страной, причиной всех сезонных и районных колебаний, флуктуации потребления алкоголя является «господин Урожай», повышающий покупательную способность основной массы населения, а обстоятельством, блокирующим потребление спиртного, является рост цен на него. В ходе проверки этого предположения были сделаны разного рода уточнения и выводы как содержательного, так и чисто методологического плана [8]. В частности, многие социологи стали склоняться к мнению, что главный виновник упомянутых колебаний и общей интенсификации алкогольного потребления — «господин Капитал», а точнее, последствия его победоносного шествия по стране: пролетаризация населения, урбанизация с ее напряженным ритмом жизни и т. п. Что же касается урожая, либо неурожая, то они лишь косвенно влияют на этот процесс. Не случайно повышение цен на спиртные напитки или сокращение мест и времени торговли ими как мера государственного контроля оказывалась в целом безуспешной, так как не снижала потребления алкоголя, а лишь изменяла его формы и увеличивала оборот оставшихся питейных заведений. В первое десятилетие XX века было проведено множество новых эмпирических исследований, охвативших широкий круг проблем. Некоторые результаты этих исследований недавно были обобщены Ф. Э. Шереги [9]. Выяснялись расходы на алкоголь среди разных слоев рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, значение алкоголя в семейной, школьной и армейской жизни, потребление спиртного в женской, подростковой и детской среде, пьянство как фактор преступности и, наконец, социально-психологические особенности пристрастившихся к спиртному. Исследования подтвердили, что город пьет в три — четыре раза больше деревни, промышленные и столичные города — больше провинциальных, что значительная часть сельского населения потребляет спиртное именно в городах, после продажи своей продукции. В самой деревне была выявлена четкая дифференциация — кулаки и бедняки пили много, хотя и по разным причинам, а середняки — крайне умеренно, считая водку помехой хозяйствованию [10]. В среде городского пролетариата была обнаружена другая дифференциация — при определенном повышении заработной платы, улучшении жилищных условий, включении рабочих в просветительскую, профсоюзную и политическую деятельность расходы на алкоголь резко падали. Была установлена сопротивляемость трудящихся процессу алкоголизации, воспринимаемой в качестве хозяйской попытки превратить их в рабочий скот.

---

[2] Сразу же обнаружилась классово-сословная селекция в полицейской статистике: в участки и вытрезвители доставлялись в подавляющем большинстве представители низов, лица из привилегированных сословий оказывались там и, соответственно, учитывались официальной статистикой лишь в случае, если они совершали в пьяном виде преступление.

Представители ряда хорошо оплачиваемых профессий — металлисты, печатники и другие — меньше тратили на алкоголь, чем рабочие с традиционно низкими заработками — деревообработчики, грузчики, булочники [11]. Открытие подобных эмпирических корреляций способствовало концептуализации алкогольной проблемы (И. Янжул, В. Дмитриев, С. Первушин и др.).

Согласно теории Дмитриева, основой интенсивной алкоголизации населения России и всех колебаний в этом процессе в конце XIX и начале XX веков являются периодические экономические подъемы и кризисы отечественной капиталистической промышленности, затрагивающие и сельское хозяйство и периодически вызывающие то приток населения в города, то временный отток. В итоге создавались благоприятные условия для алкоголизации. Во-первых, увеличивался городской пролетариат, у которого расходы на спиртное составляли не менее 1/3 бюджета [12, с. 177]. Почти все исследователи (Воронов, Лосицкий, Чернышев, Дмитриев, Виноградова) отмечали, что для индустриального рабочего водка делается «предметом первой необходимости», так как только она заглушает тяжелые ощущения, вызываемые постоянным «переутомлением, плохим питанием, неуверенностью в завтрашнем дне» [там же]. Рабочие только в кабаке, как с грустной иронией писал А. П. Чехов, «отрезвляются от этого кошмара». Во-вторых, у недавних крестьян в городе появлялось новое восприятие денег, их цены. (М. Горький великолепно показал это в «Челкаше»). В-третьих, женщина-работница, освободившись в городских условиях от патриархальной опеки, также приобщалась к выпивке, расширяя состав потребителей алкоголя. Когда в период промышленного спада и безработицы часть городского населения вновь возвращалась в деревню, она привозила сюда сложившиеся в городе алкогольные установки.

В эту основную зависимость ритмов алкоголизации от состояния промышленности, по убеждению Дмитриева, вклиниваются многие обстоятельства, то стимулирующие, то тормозящие этот процесс: здоровье человека, этнические и региональные особенности быта, религиозная принадлежность. Хотя внешне картина у Дмитриева получалась многоплановой, он настойчиво выдвигал на первое место экономический фактор как постоянно действующую величину, а другие считал переменными. Именно этим и объясняется стимулирующее воздействие его исследования на все последующие работы. В частности, стало ясно, что в дальнейшем следует более основательно заняться проблемой классификации массового потребления алкоголя по типам (субъектам потребления) и анализом понятийного аппарата. Янжул и Дмитриев использовали чисто количественную типологию (умеренное и неумеренное, регулярное и спорадическое потребление). С. Первушин предложил более сложный подход, он учитывал результаты не только количественных, но и качественных измерений и, что особенно важно, подчинил классификацию целям антиалкогольной профилактики [13]. До него в научной литературе не проводилось сколько-нибудь внятного различия между понятиями «потребление спиртного», «пьянство», «алкоголизм», они часто употреблялись как синонимы. Первушин выявил три варианта алкогольной потребности и, соответственно, три типа алкоголизма. 1) «Столовое» потребление под девизом «для аппетита». При этом распространена диетологическая интерпретация алкоголя. 2) «Обрядовое» потребление под девизом «все пьют и я пью». Такого рода возлияния обычно сопровождаются церемониальной трактовкой алкоголя как унаследованного от «седой старины» обычая, ритуала. 3) «Наркотическое» потребление с целью забыться, снять напряжение, разрядиться, отвлечься от тягот жизни. В этом случае в ход идет рекреационная интерпретация [13, с. 51]. Умеренная выпивка (ее количественный показатель широко варьируется у каждого человека в зависимости от многих обстоятельств — здоровья, пола, возраста, наличия средств и т. п.) во всех трех вариантах окружена у русского человека флером благожелательности и терпимости.

По мнению Первушина, к которому присоединились многие исследователи, в частности, В. Бехтерев и Д. Воронов, первый тип потребителей алкоголя в основном распространен среди высших слоев, второй — среди крестьянства, а третий — чаще всего встречается среди рабочих, хотя эпизодически обнаруживается и в других слоях и классах общества. С первым и вторым типами пьянства можно эффективно бороться законодательными мерами, ограничением производства и продажи алкоголя, снижением цен на другие товары. При этом весьма действенно антиалкогольное просвещение, создание условий для здоровых народных развлечений. Что касается третьего типа

потребления спиртного, то тут перечисленные меры бессильны: они не уничтожают вызвавших его причин. В данном случае, отмечает исследователь, придется не бутылку отнимать у человека, а человека у бутылки. При этом Первушин полагал, что какая-то часть причин, лежащих в основе последнего типа пьянства, например, неудовлетворенность собою и окружающим миром, противоречие между безграничностью человеческих устремлений и ограниченностью средств для их осуществления, в принципе неустранима и растет с ростом культуры. Потому и так трудно искоренимы из общественной жизни, по мнению ученого, различного рода наркотики. Для полного решения проблемы еще не созрели ни материальные, ни духовные условия: население выступает в роли пассивного объекта законодательных мероприятий, пока еще оно не способно проявить себя в антиалкогольной борьбе в качестве активной и сознательной силы. Ученый осторожно упоминает, что для этого необходима коренная переделка всего общественного бытия на основе уже не частной, а общественной собственности на средства производства.

Надо сказать, что подобное мнение высказывалось и другими отечественными исследователями. Так, А. Шилов, автор многочисленных статей и брошюр по данному вопросу, писал, что русский народ видит зло и вред алкоголизма, но «ему мешают в его стремлении к отрезвлению высшие классы» [14].

Необходимость борьбы с пьянством нигде не осознавалась столь глубоко как в рабочей среде. В 1905 г. первые Советы рабочих депутатов запрещали торговлю спиртным и закрывали кабаки в пролетарских районах. При анкетных опросах последующих лет рабочие утверждали: антиалкогольная борьба будет успешной только в условиях, когда «русский народ почувствует себя полнокровным гражданином, не только вырвется из нужды и нищеты, но и поднимется до политического культурного уровня, достойного человеческого существования» [5].

В феврале 1910 г. собрался первый Всероссийский антиалкогольный съезд. Его приветствовали Л. Толстой, М. Ковалевский, вся прогрессивная общественность. Однако перед его открытием большая часть рабочей делегации была арестована, что сразу создало «атмосферу безнадежности всех начинаний» [15]. Рабочие послали новых делегатов, выступления которых подтвердили худшие опасения правительства: они резко критиковали «пьяный бюджет» и рассматривали алкогольный дурман как «лишнее препятствие на трудном пути к освобождению от всякого гнета и эксплуатации» [там же]. Подобные настроения подтолкнули к «сухому закону», который был введен царским правительством 18 июля 1914 г.— сначала на мобилизационный период, а затем на все время военных действий. Шаг был вынужденным, исключительной мерой, продиктованной войной. Реформу обусловили одни обстоятельства, а вызвали к жизни другие, и это сразу же сказалось на ее сути.

Войдя в русскую жизнь сюрпризом, «принудительное отрезвление» вызвало ряд неожиданных последствий самого разнообразного толка. Ученые проводят анкетные опросы, изучают влияние запрета на хозяйственную жизнь, быт, досуг населения, общественную психологию разных групп. Особое внимание уделяется крестьянству, так как этой части населения пришлось перейти к полному воздержанию от потребления спиртного. Исследованиями были охвачены огромные районы страны — Черниговская, Полтавская, Харьковская, Московская, Костромская, Пензенская, Вологодская губернии, Приморский край. Были зафиксированы следующие зависимости: деревня в целом легче перенесла «сухой закон», чем город. В хозяйственной сфере, где «водочная повинность» изымала до 20% валовой прибыли, ситуация изменилась в лучшую сторону, поскольку были частично преодолены или снижены материальные потери, связанные с пьянством,— низкая производительность труда, невыгодные сделки по продаже и приобретению имущества, пожары, порча инвентаря и т. п. Питейные обычаи (угощение имело огромное значение при найме работников за более дешевую плату, как средство отсрочки долгов, подкупа общественного схода) заменяются деловым расчетом. Деревня неожиданно обнаруживает спрос на тракторы, селекционное зерно и скот. Поскольку в условиях войны подобный спрос не мог быть обеспечен, то увеличиваются вклады в сберкассы (в период с августа 1914 г. по апрель 1915 г. деревенские вклады выросли на 261,7 млн. руб., тогда как за этот же период прошлого года — только на 6,5 млн.).

Постепенно меняется образ жизни: по данным анкет, расходы на свадьбы и праздники перестали быть столь разорительными, сократившись в 10—15 раз только за счет спиртного. Появились «сухие» свадьбы, крестины, поминки. «Обрядовое потребление» в деревне начало исчезать. Повсеместно, как следствие этого, отмечалось снижение хулиганства, улучшение семейных отношений, пробуждение тяги к знаниям, особенно прикладным, усилился интерес к общественным делам. Старшие возрастные группы труднее переносили запрет, процент пьющих был здесь всегда выше, чем среди молодежи. И особенно неохотно мирились с «сухим законом» пролетарские слои деревни — поденщики, батраки [16].

Исследования, проведенные в промышленных районах, показали, что в первые же месяцы действия «сухого закона» число прогулов сократилось на 27% и выше, производительность труда возросла минимально на 7%, качество продукции улучшилось, у рабочих появилось «вдумчивое» отношение к работе, конфликты с администрацией понизились почти вдвое [17].

Однако царское правительство оказалось плохим экспериментатором. Вскоре началось отступление от первоначального замысла. Почему это произошло? Прежде всего сработали экономические обстоятельства. Запрет на производство и продажу алкоголя составил для казны ежегодный дефицит в 725 млн. руб. В поисках выхода правительство увеличило налоги и вызвало всеобщую дороговизну. «Алкогольный капитал», по преимуществу дворянский, через Государственный совет оказывал давление на администрацию и органы самоуправления, ослабляя запрет «по ходатайству» отдельных городов, уездов и сельских обществ. Появилось в продаже пиво, виноградное вино (часто фальсифицированное), расширилась контрабанда спирта. «Столовое потребление» алкоголя, распространенное в основном в состоятельных семьях, вообще практически не претерпело изменения. Причин тому несколько — большие личные запасы вин, подпольная торговля в ряде кафе, ресторанов и на черном рынке. При этом официальные круги постоянно подчеркивали, что запрет на спиртное — мера временная, вынужденная. В этих условиях алкогольные установки и обычаи не могли серьезно измениться. Социологические исследования конца 1915 — начала 1916 года показали, что «наркотическое потребление» алкоголя приблизилось к прежним показателям (количество приводов в полицию, попадание в лечебницы и т. п.). Питейные обычаи приспосабливаются к изменившимся условиям и принимают уродливые формы — люди стали одурманивать себя лаком, политурой, денатуратом. В деревне, где не было этих суррогатов, повсеместно и в огромных количествах появляется заменитель водки — самогон [18].

Словом, воодушевление первых лет, которое сравнивается иногда чуть ли не с «освобождением крестьян 1861 года», стало быстро идти на убыль. Накануне революции в печати замелькали новые оценки, сводившиеся к тому, что общественно-психологический эксперимент не получился ввиду его стихийности, непродуманности, классово-сословного эгоизма реформаторов [там же].

В первые годы Советской власти многие дореволюционные исследователи проблем алкоголизации — Бехтерев, Первушин, Воронов продолжили свою работу в новых условиях, поэтому научные разработки конца 20-х годов опирались на весь предшествующий опыт. Для историка отечественной науки интересна не только линия этой когнитивной преемственности, но и такая важная особенность русской социологии начала XX века, как ее попытка создать теорию социальных проблем не из философских априорных посылок, как обычно в те годы создавалась «общая социология», а на прочной платформе эмпирических данных. Конечно, многие исследования той поры грешат теоретико-методологическими просчетами, иными недостатками. Дмитриева, например, можно было бы упрекнуть в прямолинейном экономическом детерминизме, Первушина — в известном психологизме. Используемые некоторыми организаторами анкетных опросов количественные критерии измерения оставляли подчас возможность для слишком широких вариаций в интерпретации феномена алкоголизации. Порой бросаются в глаза малый объем выборки, не всегда убедительная ее обоснованность, абстрактное ранжирование населения по размерам и мотивам потребления алкоголя. Однако все эти упущения наших предшественников не должны заслонять главное: русские социологи видели в пьянстве и алкоголизме не просто личный порок, зависящий от доброй или злой воли самого пьющего, а полифункциональное общественное

явление, тесно связанное с факторами экономическими, политическими, бытовыми, культурными. Многие из полученных в ту пору эмпирических результатов, понятийный аппарат, классификация типов алкоголизма, стратегия профилактических мер, идея создания долговременной антиалкогольной программы на строго научной основе — остаются актуальными и поныне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленин В. И.* Случайные заметки.— Полн. собр. соч., т. 4, с. 421—422.
2. *Меньшиков М.* Опасная государственность.— В борьбе за трезвость, 1912, № 2—3, с. 80—81.
3. *Прыжов И. Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. Спб., 1868; Кабак и его прошлое (исторический очерк).— Народная трезвость 1899, № 1—3.
4. *Мстиславский С. Д.* Свое и чужое. О пьянстве.— Заветы, 1914, № 4, с. 108—116, 125.
5. *Никитский А.* Милитаризм и алкоголизм (по поводу бюджета 1914 г.).— Современник, 1914, № 4.
6. *Копьев П.* Трезвость и наши задачи.— В борьбе за трезвость, 1915, № 3, с. 10—11.
7. *Менстров Н.* Питейные обычаи.— Вестник трезвости, 1902, № 88; *Его же.* Пьянство по изображению в народной песне.— Там же, 1903, № 102; *Булгаковский Д. Г.* Что говорит и думает народ о вине. Спб., 1915.
8. *Первушин С. А.* Влияние урожаев в связи с другими экономическими факторами на потребление спиртных напитков в России. М., 1909; *Его же.* Неурожай и потребление спирта в России.— Вестник сельского хозяйства, 1911, № 46, 47; *Виноградова М. М.* Потребление водки в России и урожай. Спб., 1914.
9. Социол. исслед., 1986, № 2.
10. *Воронов Д. Н.* Алкоголизм в городе в связи с бытом населения. Пенза, 1913.
11. *Каспарьянц О.* Алкоголизм бакинских рабочих.— В кн.: Труды первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. Спб., 1913; *Наумов Г.* Бюджеты рабочих г. Киева. Киев, 1914, гл. 9; *Ларский М.* Вопросы текущей жизни. Борьба с народным злом.— Современник, 1914, № 2, с. 152—156; Сб. Алкоголизм и рабочие. Пг, 1916.
12. *Дмитриев В. К.* Критическое исследование о потреблении алкоголя в России. М., 1911.
13. *Первушин С. А.* Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. М., 1912.
14. *Шилов А.* К вопросу о способах борьбы с пьянством. Спб., 1912, с. 26—27, 37—38.
15. *Яцыневич А. Я.* Профессиональные союзы, кооперативы и др. рабочие организации в борьбе с алкоголизмом.— В кн.: Труды первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. Спб., 1910, т. I, с. 281; *Гольдберг Д.* Первый Всероссийский съезда по борьбе с алкоголизмом.— Запросы жизни, 1910, № 1, 2; *Ерманский А.* Факты и мысли об антиалкогольном съезде.— Наша заря, 1910, № 1.
16. *Воронов Д. Н.* Жизнь деревни в дни трезвости. Пг., 1916; *Первушин С. А.* Библиография. Деревня и запрещение продажи питий.— Статистический вестник, 1915—1916, кн. 2.
17. Отрезвление рабочих. Статистический сборник. М., 1915.
18. *Сум Н.* Новое бытовое явление.— Современный мир, 1915, № 5; *Мендельсон А. Л.* Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. М., 1916; *Клейнберт Л.* Можно ли отрезвить Россию.— Современный мир, 1915, кн. 1; *Маевский Е.* Непобежденное пьянство.— Современник, 1915, № 2.

●●●

В. А. БОРИСОВ

ЕЩЕ ОДНА ДАТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕОРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Более полувека прошло с тех пор, когда впервые была выдвинута идея демографической революции, и до сих пор эта идея оживленно обсуждается специалистами. Кто же стоял у истоков этой теории? Любой демограф ответит однозначно — Адольф Ландри.

БОРИСОВ Владимир Александрович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологических исследований АН СССР. Автор книги «Перспективы рождаемости» (1976). В нашем журнале публикуется впервые.